
И. Василинина

Парадоксы одного театра

Поводом для поездки нескольких ленинградских и московских критиков в Новгородский театр драмы послужило обстоятельство, которое случается в театральной практике крайне редко: приглашение приехать исходило от самих актеров, которые хотели услышать оценку своей работы, уже наперед зная нелестную о себе правду.

Как обычно, знакомство с театром началось с его репертуара. Афиша за неделю: «Цыган» (единственная пьеса, которая идет на этой сцене вот уже несколько сезонов), «Спокойных не будет», «Васька Буслаев, богатырь новгородский», «Именем революции». Если рассматривать каждую пьесу в отдельности, то все понятно: «Цыган» давно уже посильно поддерживает кассу многих театров, «Спокойных не будет» — дань современной теме, «Васька Буслаев» — легендарное прошлое самого Новгорода, «Именем революции» — спектакль, приуроченный к юбилейной дате. Однако явная незавершенность чувствовалась в объединении всех этих названий в единое целое.

«Спокойных не будет» — вторая часть инсценировки романа А. Андреева «Рассудите нас, люди!» Вспоминая спектакли по первой части этого произведения, думаешь, — кому же пришло в голову еще раз предложить театрам эту нудную в прямом смысле слова историю. «Он был титулярный советник, она — генеральская дочь» — мягко говоря, таков был странный смысл первой части инсценировки, несколько завуалированный патетикой и публицистикой. Этот «вечный» сюжет, мелодраматические страсти героев, поверхностные, незначительные приметы наших дней — все было рассчитано на самый непритязательный вкус. Критика, сраженная множеством постановок этой пьесы на периферии, уделила ей в свое время довольно

много внимания, убедительно доказывая, что подобная литература приносит только вред. Это прекрасно понимали и сами работники театров, которые в ответ на упреки выдвигали в свою защиту лишь финансово-коммерческие доводы. И вдруг ВУОАП выпускает продолжение инсценировки этого романа. Какое жалкое поражение критики! И ведь сколько инстанций занимается формированием репертуара, сколько людей, прежде чем вынести решение, знакомилось с пьесой, и ничье трезвое и разумное суждение не смогло оградить от нее сцену. Правда, и сегодня никто не утверждает, что «Спокойных не будет» — прекрасная драматургия, но существует мнение, что ценность этого произведения в том, что оно одно из немногих, герой которого рабочий. Думается, однако, что малочисленность истинно художественных произведений о жизни рабочего человека никак не восполняется крайне слабым, невнятно-пошловатым рассказом о людях труда, скорее, способно лишь дискредитировать эту тему.

Вероятнее всего, что Новгородский театр, обратившись к пьесе «Спокойных не будет», руководствовался самыми благородными побуждениями. Очевидно, режиссер М. Михайлов пытался увлечь ею актеров (ведь, беря ее к постановке, он увидел в ней что-то ценное, кроме многочисленных и явных недостатков). Думается, что для каждого исполнителя находились у него какие-то нужные слова, которые должны были вдохнуть душу в бледные, безликие образы пьесы.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что часто режиссер выступает соавтором драматурга. Ни для кого не секрет, что хороших пьес действительно не хватает. Ждать шедевров театр не может. Он должен ежедневно открывать свои двери зрителю. Он должен регулярно показывать новые спектакли. Он не может жить одной классикой. Он не может не говорить о сегодняшнем дне... Тысячи причин способствуют нередкому появлению на сцене произведений, далеких от идеала. И есть множество примеров, когда такт, вкус, талант режиссера, актеров, всего коллектива театра, их творческие усилия и труд, достойные все-таки лучшего применения, помогают создать спектакль, пусть не выдающийся, но и не заставляющий внутренне холодеть и краснеть от стыда.

На спектакле «Спокойных не будет» испытываешь именно это тягостное чувство. Полное отсутствие каких бы то ни было значительных и оригинальных мыслей о людях, о жизни режиссер решил заменить лжеромантическим пафосом. И соединение такой драматургии с такой режиссурой породило поразительно бессодержательное зрелище. Справедливости ради стоит сказать, что в

этом синтезе драматург даже на голову выше режиссера. Вспомним сюжет пьесы. Молодые люди приехали на строительство, на Ангару. Вокруг все неустроено, необжито. Словом — трудно. Пусть драматург поверхностно прописал характеры и судьбы, но он не сделал вид, что ребята приехали на увеселительную прогулку. Зато этот вид сделал театр. На сцене все время прыгают, хохочут, радостно похлопывают друг друга. Негде спать — подумаешь, важность какая! Девушки, радостно щебеча, ложатся на голую землю. Идет снег, кругом мрачные леса и полное безлюдье — стоит ли обращать внимание! Веселье на сцене не прекращается ни на минуту, зато зрительный зал тоскливо замирает.

Театру в его безудержном стремлении доказать, что в жизни не существует ничего печального, серьезного, трудного, некогда и незачем всматриваться в своих героев, прислушиваться к ним. На сцене все действующие лица откровенно разделены на две группы. Те, кто приехал на Ангару, — хорошие, одинаково бодрые, звонкие, веселые, всепобеждающе счастливые (правда, драматург намекнул, что судьбы у всех разные, — но это решили проигнорировать). Те же, кто остался в Москве, — растерзанные, подвыпившие, способные на любую подлость или жестоко страдающие от сознания собственной неполноценности. Если на Ангаре Новый год встречают в задушевной, семейно-теплой обстановке, то в Москве все тонет в непристойно-пьяном угаре.

О чем в конечном итоге этот спектакль? О том, что быть хорошим лучше, чем плохим, работать — достойнее, чем пьянствовать, выходить замуж по любви лучше, чем без оной. Дважды два — четыре, Волга впадает в Каспийское море... Стоит ли ради этого ходить в театр? И зритель не ходит — на «Спокойных не будет» зал на две трети пуст.

Не менее сиротлив зрительный зал и на спектакле «Васька Буслаев, богатырь новгородский». Конечно, овеянный стариной, былинами и легендами, Новгород не мог не захотеть возродить древние сказы в своем драматическом искусстве. Оживить их, сделать достоянием тысяч новгородцев. К сожалению, этого не произошло. Причина более чем ясна. Пьеса Я. Апушкина далека от подлинной легенды о Ваське Буслаеве. Драматург наделяет его чертами великого героя — Васька строит в лесу город, защищает бедный лесной люд, освобождает Новгород от чужеземных захватчиков. А потом бессмысленно погибает. Эта случайная смерть многозначительно намекает на то, что, победив многое, Васька не смог победить себя, за что и наказан. Только все-таки очень интересно знать, в чем же Буслаев не

справился с собственной натурой? Ведь смог же он свою буйную, лихую силу обуздать, отдать не на разрушение, а на пользу людям — возвел город, изгнал с родной земли врага. Что же надо сделать человеку большее? Ответа на этот вопрос нет. Как, впрочем, и на многие другие. К примеру, за что надо было хулить купцов, которые решились усмирить хулиганство Васьки и послать Буслаева на дело — добывать славу и богатство городу? Очевидно, обличают купцов по инерции. Купец — значит самодур, мошенник, «кровопивец». Кстати, не пора ли хоть как-то, не поступаясь исторической и социальной правдой, пересмотреть этот односторонний взгляд на русское купечество. Многие купцы еще и развивали торговлю, строили города, пароходы, заводы, возводили великолепные памятники, собирали превосходные музеи. Такие исконно русские города, как Горький, Астрахань, Ярославль, Новгород (и список этот, конечно же, неполон), во многом обязаны прогрессивному купечеству.

Должно быть, создателям спектакля показалось, что жанр пьесы, определенный как представление-сказ, избавляет от всяческой правды и логики событий. В самом деле, в пьесе на пути Васьки Буслаева нежданно-негаданно возникают «лесные люди». Драматург держит в беспросветной тайне, кто они такие и откуда взялись. В пьесе только настойчиво подчеркивается, что эти «лесные люди» невероятно бедны, обездолены и беззащитны. А на сцене перед нами мужчины и женщины значительно более элегантно-изящные и холеные, чем жители Великого Новгорода. Почему-то именно в оформлении этого первобытного племени у художника по костюмам Л. Новиковой проявился изысканно-современный вкус.

Сейчас, по прошествии некоторого времени, почти невозможно вспомнить всех персонажей, которые вдруг возникают по ходу действия и так же неожиданно пропадают, понять их драматические задачи, различить хоть одно индивидуальное лицо среди множества Васькиных друзей и соратников, прояснить для себя логику того или иного события. Все тонет в каком-то цветастом хаосе, заглушается криками и молодецкими посьвистами, которые выдаются за русскую удаль и широту натуры.

Спектакль «Именем революции» приурочен к столетию со дня рождения В. И. Ленина. С одной стороны, трудно что-либо возразить против постановки этой пьесы М. Шатрова, с другой — снова недоумение. Пьеса явно рассчитана на тюзовскую аудиторию и навивно предлагать ее иному зрителю. А театр еще более истово, чем сам драматург, настаивает, что для Ленина и Дзержинского

не было более значительного и волнующего события в жизни, чем их встреча с детьми Васей и Петей. А бурное, всеобщее ликование по поводу отысканных ребят даже в детской аудитории должно быть режиссером тактично умеренно, иначе приключенческо-романтический пафос пьесы начинает звучать уж очень фальшиво.

Что ж, формально театр выпустил спектакль к ленинскому юбилею, фактически — нет. Во всех этих спектаклях, поставленных режиссером М. Михайловым, о творческих возможностях актеров можно только догадываться. Очевидно, Д. Вадакария — актер, наделенный мужественным обаянием, темпераментом, хорошей сценической внешностью, — может играть нечто большее, чем лишь железобетонную оптимистическую уверенность, которой в избытке наделен его Петр («Спокойных не будет»). Тот же Вадакария играет Буслаева. И опять, глядя на актера, с удивлением думаешь — как не идут к его индивидуальности (которая вопреки всему все-таки угадывается) кудри штопором, размашистые движения, бесконечное и якобы удалое веселье и буквально разбойничий посвист, усиленный динамиком до режущего звука реактивного самолета. Актерская индивидуальность и обаяние Вадакарии находятся вне этих, чуждых ему внешних примет молодца-удальца. Пожалуй, больше всего интересен этот актер в роли Романовского («Именем революции»). Умный враг этот производит впечатление благородного, хищного, собранного для внезапного, смертельного прыжка зверя.

Есть в труппе новгородского театра актриса Э. Столярчук. Она играет страдающую Женю («Спокойных не будет»), экзотически-изящную жительницу лесов Мьеликки («Васька Буслаев»), эпизодическую роль жены адвоката («Именем революции»). Во всех этих работах актрисе приходится пробиваться сквозь безжизненную придуманность характеров и ситуаций. И так хочется увидеть Столярчук в иной, серьезной и правдивой работе. Хочется потому, что у нее умные глаза, хорошая внешность, сценическое обаяние, своеобразный тембр голоса.

В одном из эпизодов спектакля «Спокойных не будет» вдруг привлек к себе внимание Л. Дубовой, сыгравший Растворова. До этого эпизода ходил по сцене актер, призванный лишь для того, чтобы как можно ярче продемонстрировать нам, что такое театральный подлец — подвыпивший, галстук на сторону, небрежно расстегнутый ворот рубахи, наглые речи и взгляды. За всем этим не было видно ни судьбы, ни характера человека. Но вот Растворов приходит на собрание, которое должно разрешить ему жениться.

Было время, когда в газеты и журналы приходили письма с наивной просьбой всенародно разобраться и помочь в личных, интимных отношениях и неудачах. Кто-то надеялся, что общественное мнение может кардинально повлиять на чувства. Кажется, теперь всем стало понятно, что личное дело каждого есть дело именно личное. Однако в «Спокойных не будет» снова всплыла эта бестактная ситуация. Снова почему-то всерьез показалось, что на собрании общим голосованием можно разрешить или запретить любить. Серьезность, с которой это обсуждается, — вульгарна. И только Растворов — Дубовой ведет себя самым достойным образом. Он собран, сдержан, спокоен, он не предаст своего чувства. Он достаточно умен, чтобы сохранить самообладание в этой трудной для нормального человека обстановке. Оказалось, что и этот актер может играть нечто большее, чем лишь единственно-внешнюю примету характера.

Интересные актерские возможности чувствуются и у В. Крюковой, С. Гордеева, Ю. Виноградова, М. Генкиной. Они органичны, обаятельны, темпераментны. Иногда, что особенно важно, умеют создать вокруг своих персонажей атмосферу времени, протяженности в их прошлое и будущее. Нет, было бы слишком большим преувеличением утверждать, что об образах, созданных ими, можно говорить как о полнокровных, полноценных людях, — ни данная драматургия, ни режиссерская концепция не дают для этого никакой возможности. Потому и есть лишь намек, эскиз на более интересные актерские работы.

А некоторые актеры (некоторые — не значит все, есть в этом театре и другая группа, о ней несколько позже) хотят работать по-иному, говорить со зрителем другим языком, решать значительно более сложные сценические задачи. Часть молодежи по собственной инициативе приступила к репетициям «Медии» Ануэля. Привлекли философская сложность произведения, многогранность характеров, культура языка — словом, все то, по чему изголодались, сидя на чахлом пайке «Цыгана» и «Спокойных не будет». Ждет ли их удача? — Кто знает. Репертуар, режиссер, актер — «сосуды сообщающиеся»... А жизнь театра идет своим чередом. Режиссер и завлит всегда в поисках новых и интересных пьес. Ежедневные репетиции. Кассир в определенные часы открывает для всех желающих окно кассы. Ежевечерне поднимается занавес. Но все это носит больше формальный характер. Фактически колесо жизни театра еле крутится, ибо нет самого главного — зрителя. Нельзя же, в самом деле, с трудом заполненную треть зала считать свидетельством проявления интереса к

работе всего коллектива. «С трудом» — в этом нет ни оговорки, ни желания хоть что-то преувеличить. В театре мне с гордостью рассказывали о хорошей работе администрации, которая умеет сагитировать то или иное предприятие на оптовую закупку билетов (слава богу, продано 100 билетов, а что из этих ста заочных зрителей в театр пришли только двадцать — беспокоит меньше). Но вряд ли здесь есть повод для радости. Насильственная продажа билетов — свидетельство равнодушия к театру.

А равнодушия ничем нельзя скрыть. Большой, прекрасный город раскинулся по берегам Волхова. Сто пятьдесят тысяч жителей. Фабрики, заводы, высшие учебные заведения. И вековые культурные традиции. Тысячи людей со всего света съезжаются в Новгород. Восторги здесь — дело привычное. Уважение к культуре, чувство красоты воспитываются самим городом — его древними всемирно известными памятниками, фантастической красотой музеев, вечной мудростью глаз, которые глядят на нас с декоративно-красочных новгородских икон. Надо полагать, воспитывают даже туристы с их бурными восторгами или благоговейным молчанием перед красотой творений рук человеческих. Любой человек обязательно должен в какой-то момент почувствовать, что живет в окружении чего-то выдающегося, неповторимого, прекрасного. Разными путями идет нравственное, духовное воспитание личности... Только вот новгородский театр не имеет ко всему этому никакого отношения.

В театре все знают, все понимают. Не упрекают зрителя, что он не ходит на спектакли. С готовностью соглашаются, что сегодня в репертуаре нет ни одной, заслуживающей серьезного внимания постановки. Даже посмеиваются над простодушием иного зрителя, у которого хоть что-то на сцене рождает ответный отклик. Когда слышат упрек в выборе плохой драматургии, не обижаются. Вспоминают, что были в недалеком прошлом в репертуаре «Последние», «Иркутская история», «Машенька», и тут же честно говорят, что пришлось снять — совсем плохо. И открыто, без всякой дипломатии, дирекция и большинство актеров считают, что во всех бедах виноват главный режиссер театра.

Слов нет, сегодня главный режиссер — фигура, во многих отношениях определяющая и решающая судьбу театра. Нынешний главный проработал в Новгороде пять лет. Совершенно ясно, что сейчас театр находится в глубочайшем кризисе. И многое указывает на то, что в большинстве бед виноват действительно режиссер — в формировании репертуара, в поверхностном взгляде на изоб-

ражаемую на сцене жизнь, в равнодушии к внутреннему миру человека, в невнимании к постановочной культуре спектакля, в неумении или нежелании работать с актерами. Горько это писать — слишком большая вина вменяется тем самым профессиональному режиссеру. И все-таки думается, что вину за развал театра — попробуем назвать вещи своими именами — должен нести не только он. Пять лет ставились слабые спектакли, пять лет накалялась атмосфера в коллективе, пять лет театр неуклонно терял своего зрителя. Пять лет в Министерство культуры РСФСР поступают тревожные сигналы о неблагополучии в театре, и пять лет находятся люди, которые пытаются уверить и себя и окружающих, что ничего страшного не происходит — незначительные издержки роста. Дело порой принимает прямо анекдотический характер. Тот же «Васька Буслаев» игнорируется зрителем, актеры, занятые в нем, острят по поводу этой своей работы, а в министерстве, вероятно, потому, что мало кто видел эту постановку, существует мнение, что спектакль этот хоть и слабый, но имеет для зрителя «воспитательное значение».

Думается также, что в постоянном конфликте с труппой не может нормально работать ни один, даже самый талантливый, режиссер. Бесперывная междоусобная война приводит к потерям с обеих сторон. Дисквалифицируется режиссер, но и труппа становится все менее и менее профессиональной. Раздувание борьбы и взаимных претензий — дело всегда выгодное для людей нетворческих, которые в пылу битвы нередко умеют ловко замаскировать и скрыть свое неумение или нежелание работать с полной отдачей сил. Много упреков можно предъявить режиссеру, но лично мне трудно забыть равнодушно-сонные глаза на сцене у многих актеров. Кажется, никакая сила, никакая самая драматическая ситуация неспособны разбудить их. Многие актеры фальшиво поют, вяло танцуют, небрежно, вне всякой связи с изображаемым образом одеты, полны глубочайшего ко всему происходящему безразличия, если в данный момент не они в центре событий и внимания. Речь идет не о степени таланта, а об азбуке актерского мастерства, об элементарном профессионализме, без которого нечего делать в театре. Один из новгородских журналистов шутливо заметил, что труппа этого театра революционно настроена и «съела» уже не одного режиссера. Не берусь судить, какие были прежние режиссеры, но утверждаю, что новому главному, даже если он будет обладать всеми мыслимыми и не мыслимыми талантами, долгое время придется тяжело — ибо, прежде чем осуществлять свои творческие замыслы, ему придется заново,

как на первом курсе института, прививать многим актерам вкус к работе на сцене, учить их быть грамотными в своем деле. Я понимаю тревогу директора театра, который видит, как «горят» спектакли и разваливается коллектив. Но... маленькая будничная деталь. В буфете театра в роскошном изобилии продаются всевозможные спиртные напитки: коньяк, шампанское, пиво, вина различных марок. Около продавщицы толпа растет с секунды на секунду. Звонки, приглашающие к началу спектакля, нервнируют зрителей и буфетчицу. Создается атмосфера, далекая от искусства. Во втором антракте — то же самое. Только с той разницей, что многие в зал не возвращаются. А если и возвращаются, то чрезмерно веселые, переполненные желанием громко комментировать события спектакля (не их ли мнение подчас выдается за одобрительную реакцию?). С кого же спрашивать за это? И еще. Ни один театр не живет только среди зрителей. Им занимается множество инстанций. В том числе — печать. И снова парадокс. Попросите в театре прессу о спектаклях, и вам покажут положительные рецензии. И не потому, что театр коллекционирует исключительно лестные для себя отзывы. Нет, просто почему-то считается необходимым писать об удачах. Если их нет, — искать хорошее в плохом. Если невозможно и это, — лаконично пишут о подготовке нового спектакля или обходятся краткой констатацией о факте выхода такой-то премьеры. Особенно обильную жатву похвал пожинает театр во время гастролей. Законы гостеприимства превыше всего, и только финансовые отчеты свидетельствуют часто печальное, но зато истинное положение вещей. Но в основном Новгородский театр драмы не интересуется городской газету. Не интересуется — и все. Журналисты собираются в редакции «Новгородской правды». Идет долгое, правдивое обсуждение печальных будней драматического театра. Подозрительно много говорится вообще. Очень скоро выясняется, что среди присутствующих, людей в основном интеллигентных, эрудированных, остроумных, нет ни одного поклонника родного театра. Ездят в ленинградские театры, регулярно ходят в кино, «болеют» на футболе у телевизора, интересуются раскопками, которые ведутся в городе, с восторгом говорят о его памятниках. В театре забыли когда и бывали. О чем же писать? И кажется, кого можно в этом обвинить? Понятно, мало кому хочется тратить время, эмоции, эрудицию, чтобы разбираться в тех же «Спокойных не будет». Незаметно появились в репертуаре и так же незаметно уйдут. Внутренние конфликты коллектива — попробуй разберись в них, если каждая из «обижен-

ных» сторон предъявляет вполне объективные претензии друг другу. И вообще, ходить в театр, особенно у внештатных работников печати, почему-то считается сугубо личным делом. Заставить никто не может. Да и мало в чем печать может помочь.

2 Три года тому назад журнал «Театр» уже писал о театре Новгорода. Перечитываю статью Е. Поляковой — прекрасный город, вековая культура и никому неизвестный и неинтересный театр — слабый репертуар, отсутствие зрителя... С тех пор ничего не изменилось, вернее, не изменилось в лучшую сторону, а стало даже хуже — тогда хоть в репертуаре был «Ричард III», кстати, поставленный М. Михайловым достаточно интересно, были какие-то обнадеживающие мечты режиссера (только ли его вина, а может быть беда, что они не осуществились?). Почему же тревожный сигнал журнала никого не беспокоил? Почему же с таким хладнокровным упорством надо было дожидаться, когда уже сам театр взмолился — приезжайте, посмотрите, убедитесь сами, как у нас все плохо, и скажите правду, только правду, ничего, кроме правды...

Люди театров, актеры, режиссеры, директора до сих пор кочевое племя. Какие бы причины ни породили это явление, в нем нет ничего отрадного. Но вот что удивительно. Бывают случаи, когда талантливый режиссер за один — два сезона (практически это тот срок, когда все становится ясно) умел поднять театр. Творчески раскрывались актеры, спектакли становились умными, художественно-яркими, в театр уже трудно попасть, критиков, желающих писать о нем, хоть отбавляй. А на третий сезон этот режиссер покидал театр. Причины разные, результат один — в накладе оставался театр. Почему же в этом случае нельзя было приложить максимум усилий, чтобы удержать режиссера, который и с коллективом сработался и театр поднял? Да, случается, что и талантливых режиссеров «подминает» труппа, но такой конфликт разрешается очень скоро: как правило, все-таки один в поле не воин. Но если есть правило, то есть и исключение. И такое загадочное исключение — театр в Новгороде. Плохо, когда в стране регистрируется большое количество разводов. И все-таки, если явно не сошлись характерами — надо расходиться, и тогда, может быть, в дальнейшем и той и другой стороне повезет больше.